У НАЧАЛА БОЛЬШИХ ДОРОГ

Карл КРАУЛИНЬ

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ ПО ПРАВУ НАЗЫВАЮТ М. ГОРЬКОГО СВОИМ УЧИТЕЛЕМ. ВСЯ НАША МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА РАЗВИВАЛАСЬ ПОД СИЛЬНЫМ ЕГО ВЛИЯНИЕМ.

ВЕЛИЧАЙШИЙ мастер культуры, художник титанического, преобразующего мир таланта, неутомимый воспитатель многих поколений литераторов А. М. Горький — наш друг, советчик на все времена.

Гуманность — глубочайший источник ясного света, которым пронизана жизнь и деятельность этого человека, пронизана каждая страница его рассказов, пьес и романов, каждая строка его очерков и статей. Подлинная гуманность привела великого пролетарского писателя к большевистской партийности и принципиальности, к боевому требованию «неугасимой ненависти к мещанству, к власти капиталистов, его лакеев, паразитов...».

Мужественно и проницательно вторгается М. Горький своими произведениями в самую суть волнующих человека вопросов, решает их с удивительной художественной силой. Поэтому общение с Горьким, его творческим наследием превращается для нас в незабываемое переживание, событие, связанное с духовным прозрением и моральным преобразованием.

«...Без волнения говорить об этом человеке я не могу», — писал в 1921 году в своих заметках известный грузинский режиссер К. А. Марджанишвили, который был знаком с Алексеем Максимовичем с 1904 года и поставил много его пьес. К этим словам сегодня присоединяются миллионы людей во всем мире.

Не только в отдельных людях, но и в целых общественных слоях великий пролетарский писатель укреплял гражданское самосознание, пробуждал волю к борьбе. В эпоху, когда господствовавшие эксплуататорские классы унижали народ, Горький твердо и настойчиво провозглашал веру в творческую энергию трудящихся, веру в человеческий разум. Этим он помогал партии в ее великом деле революционного пробуждения народных масс.

Вот почему на всей нашей обширной советской земле в эти дни вспоминают Алексея Максимовича с бесконечным уважением и почтением. У каждого народа есть что-то свое, что-то особенно близкое и дорогое, связанное с именем замечательного художника и мыслителя.

Латыши свято хранят в памяти образ Максима Горького.

В марте 1903 года у нас в Риге состоялось первое гастрольное представление пьесы Алексея Максимовича «На дне». Во время спектакля с балкона разбрасывались прокламации и раздавались призывы: «Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!». Полиция произвела аресты, но не в силах была унять публику. После спектакля возникла стихийная демонстрация, которая от дверей театра двинулась по улицам старого города с революционными лозунгами и пением «Марсельезы». Демонстрации продолжались и на следующий день. Эти события нашли отражение в ленинской «Искре» и в латышской нелегальной прессе.

В бурные дни революции 1905 года писатель провел некоторое время в Риге и на Рижском взморье. Здесь тогда работал русский театр К. Н. Незлобина, где ставил спектакли К. А. Марджанишвили (Марджанов), и среди актеров театра была М. Ф. Андреева, революционерка, преданный друг писателя. Спектакли этого театра превратились в антисамодержавные демонстрации.

О значении М. Горького, о его влиянии на развитие прогрессивной латышской литературы в мрачный период столыпинской реакции писал Андрей Упит, который в то время уже возглавил латышскую революционную литературу: «Никто из русских писателей, как классических, так и современных, не оказал такого огромного благотворного влияния на развитие латышской революционной мысли и литературы, как Максим Горький».

Сегодня, когда мы обращаемся взглядом к нашему прошлому, мы видим, как глубоко входил в жизнь народов России наш любимый писатель. Хорошо сказал Павло Тычина: «Корень Горького — у всех народов в недрах...».

В 1916 году в Петрограде был подготовлен «Сборник латышской литературы» на русском языке. Главную роль в издании сборника играл М. Горький. Когда Райнис получил в швейцарской эмиграции эту книгу, он прослезился.

В том же году вышел под редакцией М. Горького в переводах на русский язык «Сборник армянской литературы».

Горький выражал стремление народов к свободе, к правде, стремление угнетенных трудовых масс к прекрасной, одухотворенной жизни, к освобожденному труду, к взаимоотношениям, очищенным от всего чуждого, привнесенного в ходе столетий частнособственническим обществом и предрассудками господствовавших классов. Он был истинным интернационалистом, глашатаем дружбы и братства людей. Зачинатель армянской пролетарской поэзии Акоп Акопян восторженно писал о нем: «Максим Горький вызвал переворот во всей литературе нашего века, в мыслях и взглядах нового поколения нашего века...».

Искусство Горького выросло из самой революционной сути народа. Новаторское искусство гениального пролетарского писателя в самой идейно-эстетической основе пронизано идеалами гражданского служения людям.

Творческие взаимосвязи между искусством Горького и национальными литературами народов СССР глубоки и многообразны.

Мы можем проследить непосредственное влияние автора «Буревестника» и «Матери» на тех или иных литераторов, раскрыть перекличку художественных образов в творчестве целых поколений.

А сколь велики авторитет и влияние Горького на литературы тех народов, у которых большая реалистическая проза возникла только после Октября, например в республиках Средней Азии и Казахстане! Виднейшие литераторы этих народов, например Садриддин Айни, Мухтар Ауэзов, Сабит Муканов, с гордостью говорят, что учились у Горького. М. Ауэзов — создатель «Абая» проникновенно писал: «Мы, казахские писатели, считаем Горького своим родным и великим учителем. Вся казахская литература развивалась под сильным влиянием Горького».

Интересно проследить творческое воздействие Горького и на литературы, в которых принципы социалистического реализма начали более или менее явно намечаться и развиваться в то же примерно время, когда появились эпохальные произведения Горького. Прогрессивные писатели искали творческое вдохновение у тех же самых истоков, где искал и нашел их Горький, то есть в революционном порыве трудящихся масс. В первую очередь здесь следует упомянуть таких писателей, как Иван Франко, Ян Райнис, Акоп Акопян, Михаил Коцюбинский, Леся Украинка, Андрей Упит. Все они, без сомнения, находили в творчестве Горького подтверждение и подкрепление собственных новаторских устремлений, собственных поисков, органически сочетающих искусство с интересами массовой борьбы пролетариата.

Максим Горький не одинок был на трудном пути, ведущем к созданию нового, социалистического искусства. У него было немало талантливых боевых соратников. Это свидетельствует о том, что великий гуманист пошел не узкой окраинной тропой, а широким магистральным путем, единственно правильным и верным, путем, по которому суждено пойти вперед, развиваться искусству всех народов, всего человечества. Путь этот был с самого начала намечен широко и свободно, поэтому вступить на него, пойти им могли не только отдельные литераторы, но и национальные литературы.

Не поддается измерению громадное революционизирующее воздействие, которое гуманное искусство Горького оказало на народы и на их литературы, а в конечном итоге — на судьбы всего человечества. Горький стоял у колыбели революционного социалистического искусства всех народов СССР. Их лучшие сыны видели в нем мудрого наставника, надежного друга.

Все народы нашей советской Отчизны, все деятели многонациональной советской культуры выражают свою любовь, свою сердечную признательность великому Буревестнику революции.

РИГА

АРХИВ «ЛГ»

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ

В обширном рукописном наследии Горького, помимо законченных и незаконченных художественных и публицистических произведений, помимо огромного количества писем, сохранилось множество отдельных заметок, не предназначавшихся для печати. Сделанные на листках из блокнота, они представляют собою порою завершенные, но чаще черновые, трудно читаемые записи. Это и небольшие прозаические наброски, и портретные характеристики, и высказывания о литературе и языке, и заметки о религии, о русской истории, и фрагменты публицистического характера. Иногда это афоризм, написанный на клочке бумаги; иногда развернутая картина; иногда запись мысли, только что возникшей, непосредственного впечатления. Писатель хранил заметки в специальных конвертах. На некоторых рукою Горького написано: «О Л. Н. Толстом», «Достоевский», «Лесков», «Личное», «Заметки» и т. д., другие без названия.

Каково же назначение этих записей, составляющих «тайное тайных» личного архива писателя? Ответ на этот вопрос трудно найти в скупых высказываниях Горького. Лишь однажды в письме к Ромену Роллану Горький сказал, что в книге «Заметки из дневника. Воспоминания» он воспользовался частью своего дневника. Но дневник этот плохо связывается с нашими обычными представлениями. Заметки демонстрируют крайнюю сдержанность писателя в фиксировании своих личных чувств и эмоций. Очевидно, заметки служили писателю своеобразной кладовой памяти — в них откристаллизовалась какая-то очень существенная часть жизненного и творческого опыта писателя. Горький постоянно черпал отсюда, но многое осталось неиспользованным. Поэтому так ценно это собрание отрывочных записей, фрагментов, набросков. Они углубляют наше представление о диапазоне мысли Горького, широте его познаний, богатстве наблюдений, знакомят с неосуществленными творческими замыслами и планами писателя.

Мы публикуем ряд заметок и набросков Горького на литературные темы, написанные в разное время по самым различным поводам.

Фрагменты о Бальзаке и Флобере — еще одно свидетельство неизменного восхищения Горького творчеством этих писателей. В заметке, посвященной Бальзаку, отразилась излюбленная горьковская мысль о способности гениального искусства предвидеть безграничные возможности человеческой личности. Смысл более поздней записи о Флобере — в опровержении ходячих и упрощенных представлений об «антиобщественности» великого французского писателя.

Заметки о зарубежных литераторах-современниках были сделаны в связи с чтением отдельных произведений этих писателей, переведенных на русский язык: романов норвежского писателя И. Бойера «Северные герои» и, возможно, «Диренталь» (романа «В лунную ночь» у И. Бойера нет); и книг французских писателей, изданных в 1934 году: «Старая Франция» Роже Мартен дю Гара, «Путешествие на край ночи» Луи Фердинанда Селина, «Клубок змей» Франсуа Мориака и «Антуан Блуайе» Поля Низана.

Запись о И. Бойере носит более развернутый характер, может быть, это начало статьи о нем или предисловия к его книгам.

Говоря об Андрее Белом, Горький отмечает то, что связывало этого поэта с эстетикой «декаданса».

В заметке о писателе-эмигранте Борисе Зайцеве Горький имеет в виду собрание его сочинений, изданных в 1922 году; некоторые тома из этого собрания с пометами Горького хранятся в его личной библиотеке.

Более 400 заметок Горького будет опубликовано в очередном XII томе «Архива А. М. Горького», подготовленном к столетию со дня рождения великого писателя.

Е. КОЛЯДА,
кандидат филологических наук

БАЛЬЗАК

Его изумительная гениальность: в 31 году, в «Шагреневой коже» он писал:

«Воля человека есть материальная сила подобная пару; в мире нравственном ничто не устояло бы пред ее мощью, если б человек научился сосредоточивать ее, управлять всей ее суммой и постоянно направлять на души проекцию этой текучей массы—человек мог бы по своей воле видоизменять все, даже абсолютные законы природы соответственно задачам человечества».

Это то же самое, что говорит доктор Наум Котик в книге «Эманация психо-физической энергии», Москва, 1904, переводы на немецкий, английский языки в 907—9. Надо только подставить под «материальную силу» Бальзака эту «эманацию».

Эта же идея у Шоу «Назад к Мафусаилу». И вообще этот взгляд на роль «психо-физической энергии» встречается в разных формах — все более часто. Значение его в деле организации и развития воли человека может быть огромно.

А Бальзак — изумителен.

<1924>

<О ГУСТАВЕ ФЛОБЕРЕ>

Часто бывает, что индивидуализм, отказ от действительности вызывается и воспитывается самой работой. Типичен случай Флобера: дворянин всею силой души ненавидел буржуазию и работал над книгой о Бовари, а затем над «Бювар и Пекюше», старался воплотить в этой книге всю неисчерпаемую пошлость, весь идиотизм буржуазного слова и дела. Месть побежденного дворянина классу победителю соединялась с величайшей суровостью отношения к работе огромного общественного и художест[венного] значения. И никогда раньше Флобер не кричал так громко, даже отчаянно о своей антиобщественности, никогда не отталкивался так решительно от действительности. Это делалось, на мой взгляд, только потому, что толчки и удары общественности мешали его основной цели — обнажить с предельной неоспоримой ясностью ее тупость, пошлость, ее ничтожество. Чего человек не замечает, о том он — молчит.

<1930—1936>

< ОБ И. БОЙЕРЕ>

Из книг Иогана Бойера на русский язык переведены в 24—6 годах только две: «В лунную ночь» и «Северные герои». Обе очень понравились мне, так же, как и раньше, двадцать лет тому назад. Я люблю читать книги Бойера о простых людях. Это такие мудрые книги. Не весела наша человеческая мудрость, невесела, как наша жизнь. Но Бойер, на мой взгляд, обладает — кроме ясного, как лунный свет летом — таланта, еще и великим даром милосердия. Он любит людей, изображаемых им, он знает их и хорошо видит их мысли, чувствует биение их сердец. За это и его любишь, как искреннего друга людей. Я — тоже человек, как и все и, как читатель Бойера, я рад, что в Норвегии есть художник, которому люди дороги, близки и который умеет рассказывать о них с простотою мудреца.

Книги, прочитанные мною в эту осень: «Старая Франция», «Путешествие в край ночи», «Клубок змей», «Антуан Блуайе».

Четыре человека, разнообразно талантливые поведали миру о жизни современной Франции, с грустью и гневом, с тревогой, которую внушает Мориаку неизлечимая болезнь семьи — основы буржуазного общества. Поль Низан пишет со сподвижением философа, который уверен, что правильно понял властный зов истории и твердо знает свое место в жизни.

<1934, сентябрь — декабрь>

<А. БЕЛЫЙ>

А. Белый вычитал и выдумал множество страхов, доброй половине их он сам не верит, а другою половиной, хитрый, украшает себя, делает интересным. Боится своего же разума, который мешает ему, поэту, погрузиться «в непрерывный транс священного безумия».

Но он — поэт, несмотря на все свои фокусы и вопреки им, он настоящий поэт.

<1926—1927>

<О Б. ЗАЙЦЕВЕ>

Перечитал книги Бориса Зайцева,— очень тусклый писатель: литератор, конечно, но никогда и нигде — художник. Пишет, видимо, с унылым недоверием к себе. Язык — надуман, слова подобраны с трудом и безвкусно, снизаны не прочно, фраза расплывается и лишена музыки, претензии на «простоту» приводят к сухости. Сильно зависим от Чехова и безуспешно старается скрыть это. Такие рассказы, как «Гость», выдают его бессилие освободиться от подражания учителю. В «Спокойствии» у него поют из «Русалки» то же, что в «Припадке» Чехова, это вызывает впечатление чего-то неуместного. Особенно раздражает резкое, скрипящее несоответствие темы и уменья. Пишет о любви, о смерти, написал много и — ухитрился не сказать ни одной своей мысли, ни одного слова. Образов у него — нет, характеров — тоже, все люди — неуловимы, не ощутимы. Пред любовью — недоумение цыпленка, впервые увидавшего огонь, пред смертью — скупый страх неизлечимо больного старика. И всюду — душевная малограмотность. Престарелый гимназист пытается сочинить «умное» и сочиняет почти пошлости. Образцом его бессилия является диалогическое сочинение «Усадьба Ланиных», — вещь совершенно чеховидная, он весь, вообще,— тень тени Чехова. Между прочим, в этом сочинении девушка невеста говорит жениху: «Ты слишком любишь». Это — фальшиво. Девушка не может сказать так, ибо ей неведомо еще, что значит любить не «слишком» или «слишком», откуда бы она чувствовала эти «лишки»? И вообще в природе не существует женщины, которая могла бы сказать любимому ею, что он ее любит «слишком».

<1922>

М. ГОРЬКИЙ

«ЧЕРЕЗ ТРУД— К САМОПОЗНАНИЮ И КУЛЬТУРЕ»

Публикуемая здесь статья А. М. Горького представляет собой предисловие к книге М. Погребинского «Трудовая коммуна ОГПУ», написанной автором по совету А. М. Горького и изданной Госиздатом в 1929 году. Книга с тех пор не переиздавалась. Предисловие Горького не входит в его собрание сочинений и поэтому современному читателю незнакомо.

Молодой чекист Матвей Самойлович Погребинский по поручению Ф. Э. Дзержинского занимался организацией перевоспитания малолетних преступников. В 1924 году под его руководством была открыта Болшевская трудовая коммуна ОГПУ.

В 1928 году Алексей Максимович Горький, узнав о Болшевской коммуне, захотел познакомиться с ее организатором. Между А. М. Горьким и М. Погребинским установилась тесная дружба. Горький часто посещал трудовую коммуну, беседовал с коммунарами, читал им свои произведения, приглашал их к себе в гости.

Предисловие публикуется с небольшими сокращениями. В книге оно печаталось без названия.

И. ЛИВШИЦ-КОНИКОВ,
член КПСС с 1920 года

ОСНОВНЫМ и ценнейшим качеством Советской власти является бесстрашие. Сторонники «умеренности и аккуратности» оценивают его как безумие. Не стану спорить о словах, пусть будет безумие; отмечу только, что это не безумие лирически настроенных мечтателей, которые пытаются «навеять сон золотой», а безумие реалистов, непоколебимо уверенных в том, что мир создан не словом, а деянием.

К. Маркс, родоначальник безумцев этого типа, очень хорошо сказал: «Философы пытаются так или иначе объяснить мир, но дело в том, чтобы изменить его». Все в мире изменяет энергия, и, разумеется, вполне естественно, что вожди трудового народа верят в силу трудовой энергии как в единственную силу, которая должна и может частью развязать, а частью разрубить узлы жизни.

Что бы ни говорили скептики.., враги Советской власти, — все же она успешно ведет борьбу с многоглавым чудовищем глупости, пошлости и подлости...

Возможно, что сказанное выше слишком громко в предисловии к маленькой книжке. Но маленькая книжка говорит о великом и сложнейшем деле — о дерзкой борьбе с преступностью и об удивительном успехе, одержанном в этой борьбе. Начало этому опыту дано энергией Ф. Э. Дзержинского, — он первый указал на необходимость немедля ликвидировать «беспризорность».

...Мне кажется, что среди всех попыток перевоспитания юных «правонарушителей» столь дерзкого и настолько успешного опыта еще не было и что такого рода смелые опыты возможны только в Советском Союзе.

Буржуазия, ревностно заботясь об охране своих прав и преимуществ, издавна, упорно и безуспешно работает над изобретением наилучшей системы борьбы с преступностью, но, кроме полной и суровой изоляции правонарушителя от «общества», ничего не выдумала.

Правонарушитель для мещан уже не человек, хотя в большинстве он тоже — мещанин, «неуравновешенный», то есть менее противный, менее подлый мещанин, чем тот, который является кирпичом в фундаменте всякого буржуазно-«благоустроенного» государства. В худшем случае правонарушитель-мещанин — неудачник, существо самовольное и трудоспособное, в лучшем — более ярко выраженный хищник, совершенно правильно развивающий до конца навыки своей среды — среды хищников и паразитов.

Защищаясь от созданных им же «социально-опасных» людей, мещанство, в лице одного из своих ученых, итальянца Ломброзо, придумало учение о «преступном типе»; учение это доказало, что в буржуазном обществе существуют люди с «врожденной» склонностью к преступлениям; вывод из этой теории совершенно ясен: с такими людьми церемониться нечего, их необходимо уничтожать. Можно было сделать и другой вывод: если среда создает уродов, значит, сама она — нездорова.

Но, разумеется, такого вывода не было сделано, и теория Ломброзо была использована для усилений наказаний «врагам общества»—мошенникам, врагам, грабителям — его детям по духу и плоти... Но невозможно вышвырнуть «дурную траву из поля вон», если засоренная почва не может родить ничего, кроме дурной травы.

...Советская власть не считает «правонарушителя» неизлечимо больным, рожденным для преступления и неспособным ни к чему более. Она хотела бы перевоспитать «правонарушителя», возвратить его государству рабочих как честную и разумную трудовую единицу, как человека, который сознал бы: государство — его и все, что он делает, для себя.

Книжка тов. Погребинского рассказывает именно о том, как можно вылечить человека, который по силе тех или иных условий попал на путь преступлений. Как видите, опыт трудкоммуны оказался вполне удачным, несмотря на его безумную, с точки зрения мещан, дерзость. В этом опыте ярко выражен подлинный гуманизм, какого не найдешь во всех книгах гуманистов. И особенно значителен этот опыт тем, что он неопровержимо доказывает воспитательное значение свободного труда. Описанная в книжке трудкоммуна не является единственной, по типу ее основали уже несколько таких же трудовых организаций, объединяющих свыше 10 000 «беспризорных» и юных преступников, — тяжелое наследие одряхлевшего «старого мира», империалистической и гражданской войн, а также голода.

Совершенно изумительное впечатление вызвали у меня бывшие герои уголовной хроники и тюремные жители, когда я увидел их за станками мастерских трудкоммуны. Глядя на них, не веришь, что все они сидели в тюрьмах и что среди них есть бывшие «налетчики», люди, едва избежавшие «высшей меры» наказания. Все здоровые, ловкие, хорошо настроенные ребята: очень редко мелькают дегенеративные, тупые или болезненные лица. Может быть, именно ничтожный процент таких лиц и объясняет — частично — факт горячего увлечения членов трудкоммуны, привыкших к «легкой» жизни, нелегким трудом, который широко открывает перед ними путь к новой жизни. Приятно отметить в этих людях сознание своего достоинства... Ребята действительно чувствуют себя полными хозяевами трудкоммуны, с гордостью свободных работников они говорят о том, что живут «на свой счет»...

...Не менее, чем другое, поражает обилие даровитых ребят в этой шумной массе много испытавших бродяг и бойких уличных воришек. Возникает уверенность, что многие из них вырастут недюжинными людьми.

...Крайне поучительно знакомство с этой молодежью, которая — не будь революции — так бы и осталась жить на путях из тюрьмы в тюрьму. И вот счастливая мысль организаторов коммуны открыла перед ними дорогу к свободному труду, а через труд — к самопознанию и культуре.

Чем руководители коммуны сумели возбудить трудовой энтузиазм в ребятах, анархизированных уличной жизнью?

Очерк Погребинского хорошо отвечает на этот вопрос: порыв к труду вызван у детей доверием к ним, убеждением в том, что если человеку дать возможность свободно работать, — он будет работать охотно и честно.

Ребята трудкоммуны ОГПУ блестяще оправдали доверие, оказываемое им.

Сделано и растет хорошее, глубоко-поучительное дело.

РЯДОМ С ДРУГОМ И УЧИТЕЛЕМ

Первого июня 1928 года А. М. Горький приехал в Дом Герцена. Он беседовал с московскими писателями, говорил об успехах советской литературы, о ее задачах.

На снимке (слева направо): В. Лидин, В. Катаев, Н. Огнев, М. Горький, Л. Леонов, Н. Ашукин.

«...Горький придавал большое значение развитию литературы в краях и областях. На съезде он сказал:

— Нам, необходимо обратить внимание на литературу областей, особенно Восточной и Западной Сибири, вовлечь ее в круг нашего внимания, печатать в журналах центра, учитывать ее значение как организатора культуры.

Даже в дни съезда он находил время для встреч и бесед не только со старыми, известными писателями, но и с представителями литературной молодежи, приехавшими со всех концов страны. С одними он делился впечатлениями от только что прочитанных книг или рукописей, других расспрашивал о работе над новыми произведениями.

Однажды он остался в зале, чтобы сфотографироваться с делегатами краев и областей. Ему передали свежую, только что вышедшую в свет очередную книгу журнала «Сибирские огни».

Взглянув на обложку, он, внимательно следивший за развитием литературы на местах, сказал:

— Этот номер у меня уже есть. Я его получил по подписке.

Раскрыв журнал, он взглянул на гравюру одного молодого художника-сибиряка и подтвердил:

— Да, есть.

Пока делегаты усаживались, Алексей Максимович расспрашивал, кто откуда приехал, а потом сказал:

— Надо встретиться. Поговорить.

И тут же добавил:

— Обязательно устроим встречу.

После съезда Горький пригласил к себе сибиряков».

А. КОПТЕЛОВ.
«У великого художника слова»

На снимке: А. М. Горький среди писателей Сибири на I съезде писателей. Москва, 1934 г. В первом ряду (слева направо) — В. Зазубрин, М. Горький, В. Вегман, А. Караваева; во втором — А. Коптелов, А. Ансон, П. Петров, В. Итин, М. Ошаров, Н. Молчанов-Сибирский.

ТОРЖЕСТВА В УЛАН-БАТОРЕ

В столице Монгольской Народной Республики Улан-Баторе, в Доме культуры строителей, 20 марта открылась декада советской литературы. Открытие было приурочено к началу общереспубликанских юбилейных торжеств, посвященных 100-летию со дня рождения великого пролетарского писателя А. М. Горького. Заместитель председателя Союза писателей Монголии тов. Л. Тудэв отметил влияние советской литературы на творчество монгольских писателей.

В Улан-Батор для участия в праздновании 100-летия со дня рождения А. М. Горького и заключения плана сотрудничества на 1968 год между Союзами писателей Монголии и СССР прибыла делегация в составе секретаря правления Союза писателей СССР П. П. Боцу, секретаря правления Московской организации Союза писателей РСФСР В. Н. Ильина и представителя иркутской писательской организации Г. Ф. Кунгурова.

П. П. Боцу обратился к участникам собрания с приветствием от имени секретариата правления Союза писателей СССР. Он выразил уверенность, что подписание плана сотрудничества будет благоприятствовать дальнейшему развитию дружеских связей наших литератур.

Со словами приветствия к участникам собрания обратился Г. Ф. Кунгуров, подчеркнувший традиционность дружбы писателей-сибиряков с писателями Монголии. В своих выступлениях известные монгольские писатели Ц. Дамдинсурэн, Э. Оюун, Ч. Чимид, переводчик советской литературы С. Бадра и другие отметили выдающуюся роль А. М. Горького в развитии литературного процесса Монголии.

В открытии декады приняли участие секретарь ЦК Монгольской народно-революционной партии тов. Л. Хамсурэн, председатель горьковского юбилейного комитета, заведующий идеологическим отделом ЦК МНРП тов. Очирбат и представители советского посольства в МНР.

УЛАН-БАТОР, (По телефону)